

Илья Масляков

**ФЕДЕРИКА ДИ
АЛЬТО АДИДЖЕ,
МАРКИЗА
С ГРУСТНОЮ
СУДЬБОЙ**

Пьеса

Илья Масляков

**Федерика ди Альто Адидже,
маркиза с грустной судьбой. Пьеса**

«Издательские решения»

Масляков И. В.

Федерика ди Альто Адидже, маркиза с грустной судьбой. Пьеса /
И. В. Масляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853128-6

Приключения, интриги, заговоры. История высшей знати одного маленького,
но гордого герцогства в Италии эпохи Возрождения. Пьеса в стихах и прозе.

ISBN 978-5-44-853128-6

© Масляков И. В.
© Издательские решения

Содержание

Действующие лица	6
Глава 1. Встреча в лавке	7
Глава 2. Свидание	15
Глава 3. Тайна мэтра Пуччини	19
Глава 4. Соитие, данное свыше	23
Глава 5. Мэтр раскрывает душу	26
Глава 6. Тайна Герцога	30
Глава 7. В поход к отрогам Альп	34
Глава 8. Встреча со смертью	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Федерика ди Альто Адидже, маркиза с грустной судьбой Пьеса

Илья Владимирович Масляков

Иллюстратор Наталья Шеина

Корректор Снежана Маслякова

© Илья Владимирович Масляков, 2017

© Наталья Шеина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3128-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как-то раз, находясь в прекрасном расположении духа, моя подруга Анфиса спросила: «А не сыграть ли нам пьесу?». «Ну почему же не сыграть», – ответил я. «Не пройдёт и полгода, и пьеса будет написана. Выбирай, кого бы ты хотела сыграть, и вперёд на сцену». Анфиса захлопала в ладоши и, засмеявшись, ответила: «Я Лукреция – хорошенькая романтическая дурочка, дочь лавочника, мечтающая выйти замуж за офицера». «Я Федерика», – сказала Арина, слышавшая наш разговор. «Мечтаю выйти за того же офицера, так как это мой последний шанс, и я готова на любые интриги. Дочь богатого купца, страшенькая, но с хорошим приданым». «Тогда я, офицер, ну с очень голубой кровью и без особых притязаний на момент начала повествования», – ответил я.

Действующие лица

Пьетро ди Альберто – капитан Тосканских гвардейцев. Беден, очень знатен, сирота, лишён всего и вся заботами собственного дяди.

Лукреция – дочь бакалейщика Джузеппе Колетти. Красива, беспечна, мечтает выдти замуж за военного,

Джузеппе Колетти – отец Лукреции, бакалейщик, не в меру пьёт, но не плохо справляется с торговлей.

Федерика Трентино Адидже – маркиза, сирота, наследная принцесса Трента.

Герцог Лучано II Ланца – первое лицо государства Тоскана, Парма и прочая, обычный властитель, не чурающийся ничем для увеличения площади своего государства.

Массимо ди Козимо Инганнаморте – лейтенант Тосканской гвардии, друг и боевой товарищ Пьетро ди Альберто.

Мэтр Пуччини – один из богатейших негоциантов Флоренции, приёмный отец Федерики.

Епископ Сиенский – правая рука герцога Тосканского, исполнитель самых секретных поручений.

Кардинал Манчини – служитель культа, близок ко двору.

Алонзо – дворянин на службе у Епископа Сиенского.

Старик мельник – Спас юную Федерику от смерти, причём неоднократно.

Комендант мрачного замка, используемого герцогом как тюрьму. Дворяне Трента и Тосканы, придворные дамы, гвардейцы, прачки, слуги, челядь и прочие жители Флоренции, Трента и т. д.

Глава 1. Встреча в лавке

Лукреция, расставляя товары в лавке отца, предаётся мечтаниям вслух.

«Уже семнадцатую встретила весну!
А все одна иду по жизненной дороге,
Ищу я рыцаря, чтоб сердцу и уму,
Чтоб девицки развеял он тревоги.

Силён быть должен, благороден, смел,
Умен, красноречив и очень знатен.
Чтоб конь под ним, как облако, белел!
Как простыня на папиной кровати.

Усы и шпага, пистолет, нет, два,
Ботфорты и серебряные шпоры;
Посмотрит – и вскружится голова,
И только обо мне все разговоры.

Забыла. Шитый золотом мундир...
Что за мужчина, если без мундира.
Он самый главный в мире командир!!!
Влюблен в меня – прекрасная картина».

Федерика выбирает специи в лавке и случайно слышит мечтания Лукреции.

«Святой Франциск! Мне скоро двадцать три,
И за глаза все кличут старой девой,
Мне хочется давно уже любви:
Без ласки увядает моё тело.

Один запал мне в душу, всем хорош!
При эполетах, шпаге и мундире!
И я за то, чтоб стать его женой,
Готова на любую жертву в мире».

***Поддавшись настроению, Федерика выходит из-за стеллажа.
Лукреция испуганно вскрикивает, увидев Федерику.***

«Синьора!!! Напугали вы меня!
Я думала, что здесь одна, мечтала.
Что вас встревожит чем-то речь моя,
Я точно уж никак не ожидала.

Лукреция

Как схожи наши чувства и желанья.
Я, как и вы, страданиями живу,
Мне нравится один до обожанья,
Я грежу им во сне и наяву.

Но упаси Господь с отцом об этом спорить,
Его слова как нож под сердце мне,
«Я не хочу, дитя, тебя неволить,
Сам жениха найду тебе вполне.»

Федерика про себя

«Девчонка хороша, как ангел!
Такая кого хочешь увлечет,
Но, видно, ей не повезло с приданым,
И этот факт мне надо брать в расчет!»

Обращается к Лукреции

«Скажи мне, детка, кто же твой герой,
О ком твои мечты, девичьи грёзы?
Ты можешь смело говорить со мной:
Я о любви такой сама роняю слёзы».

В бакалейную лавку старого Джузеппе Колетти нетвёрдой походкой человека, уставшего от ежедневных возлияний, в которой всё же ещё видна армейская выправка, входит Пьетро ди Альберто, капитан тосканских гвардейцев, страдающий от отсутствия военных действий и денег.

«Ни денег, ни войны, мой герцог заскучал.

От женщин и дуэлей спасу нет,
И рог былых сражений отзвучал,
И давит груз никчёмных эполет.

Попойки, карты, шпаги и вино,
Пустой карман и кредиторов рать,
На герцогство б соседнее войной
Пойти, пожечь, пограбить, покарать.

Но мой вассальный долг и древний герб
Велят мне слову герцога внимать,
И, словно после жатвы острый серп,
Из ножен шпагу мне не вынимать.

И вот в долгах, в сомнениях, в тоске!
Карман мой пуст, лишь мысль одна свербит:

Нет выбора, коль жизнь на волоске,
Бесчестьем мне безденежье грозит.

И остаётся средство лишь одно:
Жениться выгодно и быстро без любви,
Плывать, что это гнусно и грешно.
О небо, ты меня благослови».

Входит в лавку и застывает в изумлении, видя двух девиц, одна из которых сразу зажгла огонь желанья.

Федерика узнает в вошедшем предмет своих воздыханий и находится на грани обморока.

Федерика, тихо обращаясь сама к себе

«Святые ангелы! Ужель я крепко сплю!
Или виденьем грежу наяву?
Он мой герой. Его почти люблю,
И мне плевать на вздорную молву».

Ди Альберто целует руки обеим девицам и обращается к Лукреции

«О, синьорина, вы так хороши!
Мне солнце вы затмили красотой,
Я вам признаюсь честно, от души:
Пленён я вашей дивной простотой.
Такие прелести, что я горю огнём;
Такому бриллианту нет цены.
Давайте ограним его вдвоём,
Войду я в вашу явь и в ваши сны.»

Про себя Пьетро подумал, что если у хозяина лавки есть деньжата и эта девица ему не чужая, то он не прочь за ней приударить. А там глядишь, герцог решит устро-

ить маленькую победоносную войну, и можно будет спокойно уйти в поход, не обманывая хорошенькую простушку.

Пьетро осматривает внутреннее убранство лавки, оценивает на глаз товары, лежащие на полках, и в уме подсчитывает возможный размер приданого.

«Похоже лавочник имеет свой барыш:
Глаз отдыхает на обилии всего,
Как погляжу, товара выше крыш,
И не хватает только одного.

Я ль не хорош? Я голову вскружу,
Узнать бы, кем хозяин будет ей.
Своим я именем, конечно, дорожу,
Но деньги мне на сей момент нужней».

Пьетро обращается к девице, стоящей за прилавком с новой тирадой

«О синьорина (signorina), вновь внимлите мне.
Прошу pardon за дерзость, наконец,
Я буду благодарен вам вдвойне.
Ответьте: кто счастливый ваш отец?»

Лукреция расплывается в улыбке, увидев молодого офицера заливается краской, поправляет выбившийся из прически локон.

«Мой батюшка – хозяин этой лавки.
Что пожелаете, вельможный мой сеньор?
Конфеты, специи, сигары и булавки,
И прочий нужный и не очень мелкий вздор».

Шепотом Федерике

«Вот он, предел моих мечтаний:
Бретёр, повеса, ловелас,
Красив, силен, в бою был ранен,
Но, тише, смотрит он на нас».

Пьетро ди Альберто, покручивая ус

«Она мила, но видно не умна:
«Конфеты, специи, сигары от индейцев»
И покорить её – задача нетрудна.
Вперёд!!! На штурм, тосканские гвардейцы.

Батальных сцен ей пару расскажу,
С конём своим горячим познакомлю,
А после на лопатки положу
И нежно о любви своей промолвлю.
Но до чего ж чертовка хороша!
Из головы весь хмель пропал в мгновение.
Лицо и груди гладить не спеша,

И вместе совершить грехопаденье.

Позднее бедный лавочник поймёт,
Что только свадьбой дочкин грех искупит,
И ручеек из денег потечёт
Гвардейцу бедному в кошель, в карманы, в руки.

Ах, на кого ты, Пьетро, стал похож!
Как низко пал ты, бедный ди Альберто!
В палаты к королям твой род был вхож —
Теперь простушке делаешь оферты.

А что мне имя, что мне древний род,
Когда дворцы и земли стали прошлым,
Когда я сам слуга своих господ,
И мезальянс единственно возможен».

Пьетро ди Альберто на мгновение уходит в свои переживания и не замечает происходящего вокруг. Мгновение затягивается, и девушки решают напомнить о своём присутствии весёлым беззаботным смехом.

Тут в лавку входит старый Джузеппе Колетти, у которого на брак Лукреции имеются большие виды. Поэтому, увидев рядом с дочкой повесу-офицера, он недовольно хмурится. Лукреция испуганно скрывается в дальних комнатах. Федерика решает воспользоваться ситуацией и заводит разговор с офицером.

Фредерика

«Синьор! Вы, судя по наградам, —
Герой, каких не видел свет:
Не раз глядели в пекло ада
И волей попирали смерть.

Коль сыщется свободный вечер,
Мой папа был бы очень рад
Послушать ратные рассказы.
Он, кстати, сам негодник.

Он был бы рад принять вас в гости,
О прошлых днях поговорить.
Мы рады будем вашей чести
Свои услуги предложить!
Синьор, в любой свободный вечер
Мы ждём вас время скоротать,
(Наш дом найдёте в самом центре),
Попить вина и поболтать»

Пьетро ди Альберто, слегка лукавя, обращается сначала к Джузеппе

«Не хмурься так, старик Джузеппе.
Зачем ты девушку прогнал?

В моём мужском воображении
Она и в правду идеал.

Гвардейцы нынче на постое,
И, может быть, (хвала судьбе!)
Они не только о сраженьях —
Помыслить могут о себе.

Тебе, старик, даже не снилось,
Что в твоей лавке, например,
Вдруг появилась Наша милость,
Ревнитель чести и манер.

Не стану далее при даме
И большего вам не скажу,
В моей душе сплошная драма,
Такой надрыв, я доложу».

Обращается к Федерике

«Синьора или синьорина?
Прошу бестактность извинить,
Куда вы, гибель всем мужчинам,
Меня хотели пригласить?»

Про себя подумал

«Милей мне та, что помоложе,
Но всё же (чем не шутит чёрт!),
Быть может, эта дама тоже
Вдруг от безденежья спасёт.

Пока не буду разбираться,
Поволочусь-ка за двумя.
От женщин трудно отказаться:
Пусть из огня да в полымя.

Гвардейцу думать не пристало,
Кривая выведет всегда.
Коняга, шпага и кресало,
И в небе верная звезда».

Обращаясь к Федерике

«Возможно, я приду за полночь.
Вас не смутит столь поздний час?

И пусть фривольное свиданье
Сокроет тьма от лишних глаз.

Ваш дом давно примечен мною:
Красив, высок, и сад вокруг.

Он окружён такой стеною,
Что перелезть не можно вдруг.

Откройте мне в стене калитку,
А далее, надеюсь, сам,
Спокойно сотворив молитву,
Предстану вашим я глазам.

За сим прошу великодушно
Меня за дерзости простить.
Мне стало здесь немного скушно,
Сейчас я вынужден отбыть».

Обращаясь к Джузеппе

«Мне приглянулась твоя дочка.
Храни её святой Франциск!
Такая миленькая квочка,
Что за неё готов на риск».

Кланяется обоим и, забыв зачем приходил в лавку, покидает заведение Джузеппе Колетти.

Лукреция возвращается в лавку и, видя закрывающуюся за Альберто дверь, вздыхает.

«Ушел и жизнь мою унес с собою.
От Федерики стоит ли скрывать?
В письме я о любви своей откроюсь,
Но с кем ему посланье передать?».

Федерика слышит последние слова Лукреции и понимает, что ей выпал счастливый случай. Она подходит к девушке и проникновенно говорит ей:

«Должны же мы помочь друг другу,
Чтоб уберечься от молвы.
Доверься мне ты как подруге —
Твои исполнятся мечты.

Письмо твое берусь доставить
И прямо в руки передам,
Когда придет на вечер глядя
Сегодня он с визитом к нам.

Бери перо, песок, бумагу,
Пиши скорее о любви!
С тобой мы это все уладим.
Франциск святой нам помоги!»

Лукреция хитро улыбнулась и достала из-под прилавка чернильницу и бумагу.

«Как вас благодарить, любезная подруга?
Я о здоровье вашем Господа молю!
Заботы дружеской вовеки не забуду,
И если вас не затруднит, сей час же отпишу.

Берёт лист и перо, уходит за конторку, пишет...

«Мой милый господин, я знаю: не пристало
Письма мне к вам писать.
Хотелось бы сначала дожидаться ваших слов,
Но не могу молчать.

Я вас люблю давно: с той встречи у причала...
Вдруг появились вы, нарушив мой покой.
В задумчивости я у вод речных стояла,
Вы были не один, наверно, со слугой.

С тех пор покоя нет безумному сердечку,
Уж несколько ночей я не могу уснуть.
Как путь мне отыскать до вашего крылечка,
Хоть издали украдкой на вас опять взглянуть.

Я вас боготворю. Нет, больше обожаю,
Лелею образ ваш, смеюсь, грущу, реву.
Пред вами чувства девичьи без страха обнажаю,
Мечтой о нашей встрече я только и живу.

Любовь пергаменту доверить много проще,
Сто раз сказать, что вас люблю безмерно,
Читайте, мой сеньор, и между строчек.
Наивна? Может быть. Зато не лицемерна».

Запечатывает письмо и протягивает Федерике

«Вот весточка любви, в ней все мои секреты.
Её вы берегите, mon ami.
К сеньору ди Альберто спешите за ответом,
И расскажите о моей любви».

Федерика прячет письмо и уходит. У нее зреет коварный план. Она решает подбросить письмо не ди Альберто, а своему отцу. Отец ее еще видный и не очень старый мужчина, после смерти жены долгое время живет один. Федерика уверена, что лавочник Джузеппе будет счастлив, отдать дочку за богатого негоцианта.

Глава 2. Свидание

Винный подвальчик недалеко от дворца Герцога Тосканского. За одним из столов в углу помещения несколько офицеров, сменившихся с дежурства, пьют вино и пристают к хорошенькой кабатчице с разными скабрзностями.

В подвальчик входит капитан ди Альберто.

«Друзья мои, сегодня я богат:
Ростовщики опять ссудили денег,
Наплёл им я, что всё верну назад.
Да, после свадьбы, может, в понедельник.

Нашёл, представьте, денежный мешок
В лице Джузеппе, старого Колетти.
Его девчонка подросла чуток,
А в голове по-прежнему лишь ветер.

Так покраснела, глазки отвела,
Вся затряслась, меня едва увидев.
А папенька, её, в покой войдя,
Меня, по-моему, в раз возненавидел.

С мощной старик не хочет расставаться,
Гвардейский вольный взгляд ему претит,
Но некуда ему, pardon, деваться,
Коль целомудрие «дружок мой» победит.

Хотя ещё и не решил я точно.
Есть и второй запасный вариант:
Дурнушка влюблена в меня заочно,
Пуччини ей отец, негоциант.

Они подружки с лавочника дочкой.
Теперь я должен, братцы, выбирать,
Кому пообещать свой титул. Ночью...
Хочу девицу эту я познать.

Кабатчица! Вина кувшин и мяса,
Сегодня будут силы мне нужны.
Друзья! поднимем кубки за прекрасных,
За дам, конечно, кои нам важны».

**Гвардейцы с новой силой отдались выпивке и закуске, принесённой хорошенькой кабатчицей. Капитан ди Альберто мечтал о свидании и предвкушал, что вскорости его финансовое положение несколько поправится.
На этом мы пока оставим гвардейцев в покое и будем ждать вечера.**

На улицах столицы герцогства, темно, слышны колотушки сторожей, окрики дворцовой стражи, крики пьяных гуляк и девичий смех.

Пьетро ди Альберто, которому тосканское розовое слегка промыло мозги, идет и размышляет, в какую же авантюру он ввязался, ради поправки финансового положения.

«Свой древний род мы от патрициев ведём,
От Ромула и Рема, если точно.
Мы честь и славу предков бережём,
Но нынче на ногах стоим непрочны.

Как много обедневших средь господ!
Свои гербы на деньги променяли!
Смекалка города берёт:
Женитьбою финансы поправляли.

Пускай он лавочник, пускай негоциант,
Им высший свет закрыт по праву крови.
Со мною породниться всякий рад:
Ди Альберто откроет все дороги.

Вот, кажется, пришёл: лозой стена увита,
Калитка заперта, ужель меня не ждут?
Полезу по лозе, а дальше будет видно,
В окошке есть ли свет? Возьму ль я сей редут?»

Капитан падает с высокого каменного забора в сад. Встаёт, отряхивается и смотрит по сторонам: мимо проходит старый сторож и ворчит себе под нос о том, что кто-то забыл запереть калитку на ночь.

«Так, вижу свет в окне, но слишком высоко.
Стена ровна, как жало моей шпаги.
Зайду-ка со двора, там, думаю, легко
Пробраться в дом – лишь не было б собаки.

С опаской открываю дверь на кухню,
Крадусь, как тать, как вор на bel tage.
Под старой мощной дверью свет забрезжил,
И чувствую в душе своей кураж.

Горячая бежит по жилам кровь быстрее,
Стучу, точнее скребусь, как мышь,
Шагов услышав звук, я словно каменею,
Святой Франциск, услышь меня, услышь».

Вечер в доме негоцианта Джакомо Пуччини. В своей спальне стоит Федерика. Она в богатом ночном платье, увешанная драгоценностями, ждет гостя.

«Уже темнеет... Ах, как я волнуюсь...

О чем с ним буду ночью говорить?
Пусть не красой, да, пусть тогда богатством
Его должна я непременно покорить!

Вот, кажется, стучат... О Боже! Он пришел!
Я вся горю, в волнение пребывая.
Отец мой в спальню только б не забрёл,
Спокойной ночи перед сном желая».

**Федерика видит входящего Альберто и без чувств падает
в кресло.**

«Как напугали вы меня, синьор!
Зачем же было так вам напрягаться?
Ворота открываются во двор.
Чтоб к нам зайти, не надо так стараться.

Вас рада видеть у себя в гостях,
Но папа выйти к нам сейчас не сможет,
Ах, эта ломота в его костях,
Бедняжку с вечера так гложет, так и гложет.

Ну, проходите же, любезный друг, скорей,
Рассказ о подвигах услышать я желаю,

Про битвы и балы минувших дней.
Не скромничайте, друг мой, умоляю!»

**Пьетро видит Федерику в ночном платье, которое лишь слегка скрывает её
дивные формы, и признаёт, что, хоть лицом она и не красавица, фигурой просто
прелесть.**

ди Альберто про себя

«О, Федерика хороша на диву!
Хоть ликом, видимо, в отца.
Зато фигурой сказочно красива!
Ну что ж, любовь не пить с лица. —

Обращаясь к Федерике

«Мне, с детства закалённому в боях,
Стена, ограды дома не помеха,
Я перелез таких штук пять на днях,
Сегодня и шестую, ради смеха.

Но хватит хвастать. Это всё пустое!
Я здесь, и в этом весь сюжет,
Настало время думать о постое,
И вот у ваших ног стою, мой свет.

Прошу вина налейте, выпьем вместе
За резвость шпаг, за общий наш успех.

Про доблесть герцога народ слагает песни,
За это, право, пригубить не грех.

А после, ждут тебя любви объятья,
И нежный жар моих горячих рук,
Падут на землю шёлковые платья,
Уста в уста замкнут порочный круг!

И, отдаваясь томной, сладкой неге,
Познаем мы усладу грешных тел,
И воспарим, как ангелы на небе,
Таков всех в мире любящих удел».

Пьетро бросается к Федерике, и они соединяются в страстном поцелуе.

Глава 3. Тайна мэтра Пуччини

Старому негодянту Джакомо Пуччини, действительно, не спалось: побаливали старые болячки, коих много у людей, всю жизнь проведших в торговых поездках, лишениях и борьбе за выгодные контракты. Буквально вчера он был приглашён во дворец к самому герцогу Тосканскому для обсуждения поставок провианта его армии. Покряхтывая, Джакомо встал, с ложа, на котором уже несколько лет не лежала ни одна женщина, и пошёл бродить по дому в поисках снотворных пилюль.

Поднимаясь по лестнице и бормоча себе что-то под нос, увидел свет, выбивающийся из-под двери опочивальни дочери Федерики. Решив узнать, что тревожит его дитя в столь поздний час, Джакомо толкнул дверь, ведущую в покои дочери, но дверь оказалась заперта...

Джакомо взволнованным голосом

«Мой изумруд, мой ангел, ты не спишь?
Тревожит что тебя, моя кровинка.
Открой отцу, ну что же ты молчишь?
Что сна тебя лишило Федеринка?

Чу, что за шорохи: там слышится возня?
Ты не одна? Бесчестье накликаешь?
Эй, слуги, просыпайтесь. Эй, огня!
Ты гнев отцовский скоро мой узнаешь».

Ди Альберто, понимая, что несмотря на его дворянский герб и умение сражаться, слуги, превосходя его числом, побьют дубьём и даже будут рады поиздеваться над капитаном Тосканских гусар, решает ретироваться через окно, дабы не причинять урона себе и позора Федерике.

«Ах, Федерика, нам не суждено,
По крайней мере, явно не сегодня,
Я вынужден retire чрез окно,
Мы встретимся, на всё воля господня».

Пьетро прыгает со второго этажа, на улице слышны проклятья, звон металла и шаги удаляющейся погони.

Джакомо Пуччини с помощью подоспевшего ключника
врывается в опочивальню к Федерике...

«Бесстыжая, кто был здесь у тебя?
Кого сейчас ты в спальне принимала?
Кого на этом ложе честь губя,
В греховной связи ты сейчас познала?

Я выгнать за порог тебя могу,
Лишу и кровя и наследства тоже,
Я дочь свою для свадьбы берегу.

Ты согрешила, как же это можно!»

Федерика успокаивает отца

«Да полно, батюшка, подумал ты плохое?
У дочери твоей достаточно ума.
Как вовремя ворвался ты в покои!
Теперь-то его участь решена!

Иметь такого мужа разве дело,
Я лишь похвастать им всегда смогу.
Когда к венцу мы побредём несмело,
От зависти все кумушки умрут».

Мысли Федерики, недоступные для отца

«Теперь призвать его к ответу надо.
Пусть слух пройдёт, что чести лишена,
Пусть стыдно, но замужество – награда!
О будущем задуматься должна».

Вспоминает про письмо Лукреции

«Да, нынче в лавке я была по делу.
Меня письмо тебе просили передать.
Не знаю, от кого. Назвали твое имя.
Изволь папА его тот час принять».

Федерика удаляется в спальню.

Из груди Джакомо Пуччини вырывается вздох облегчения, но всё же, не имея возможности совладать с нахлынувшими на него волнениями, он, больше не произнеся ни слова, выходит из комнаты дочери.

Джакомо в своей опочивальне стоит коленопреклонённый возле распятия, висящего в углу, и, обращаясь к Господу, открывает страшную тайну своей жизни.

«О Господи! велик мой тяжкий крест,
Чужую тайну я хранил годами,
Я Федерике вовсе не отец,
Она плод страсти очень знатной дамы.

Когда я был моложе и сильнее,
С купцами шёл торговой дорогой,
И вот однажды посреди степей,
Нам встретился один старик убогий.

В руках держал резную колыбель,
И подойдя ко мне, промолвил тихо:
«Коль можешь, воспитай её, купец,
Родителей сгубило злое лихо».

А в колыбели, ножками суча,
Лежала девочка и пузыри пускала,
Старик же этот, тихо бормоча,

Поведал всю историю сначала.

Что Федерика местных дочь господ,
Что все погибли от раздоров знати,
Что древний род войной на древний род,
Трентино-Адидже фамилия дитяти.

Я взял дитя и со своей женою,
Её мы воспитали, как смогли.
Прошли года, осеннею порою
Призвал Господь жену, и мы одни.

Я правды Федерике не поведал,
И в этом грех свой вижу пред Тобой,
Прости, Господь я был рабом обета,
Хранить её поставленный судьбой.

Она росла, я вдовый был мужчина,
После жены не знал я ни одной,
И как-то невзначай мне полюбилась
Дочь приёмная любовью мужской...

Ей 22, мужчин она не знает,
Не подпускаю к ней я никого,
Любовь мои все силы пожирает,
Но чую: час приходит роковой.

Признаться, видно, скоро мне придётся,
Что Федерика не моих кровей,
Чем для меня признание обернётся,
Узнает коль, что дочь она князей?»

Джакомо ударяет себя в грудь и вспоминает, что спрятал под рубаху письмо, отданное ему Федерикой.

Прочтя письмо, Пуччини недоумевает, что за шутки, что за наваждение, возможно, это любовное письмо адресовано вовсе не ему. И кто же эта незнакомка, которая признается ему в своих чувствах?

«Какой прекрасный слог хранит бумага,
И аромат духов и девичью слезу,
До счастья, кажется, всего полшага,
Но что-то предвещает мне грозу.

Давно уже немолод я годами,
Живу вдовцом от света вдалеке.
Дела купечества, пирушки временами,
С негоциантами в ближайшем кабаке.

На женщин не смотрю давно,
Любить любовью тайной
Мне дочь приёмную до гроба суждено
Греховно изначально.

Наверное, какая-то ошибка.
Письмо не мне, но я его прочёл,
И на губах моих цвела улыбка,
Я с головой в её любовь ушёл.

Забить, забыться, прекратить волнения,
Не о любви мне думать, не о ней!

Из сердца вырвать нужно Федерику
И думать как о дочери своей.

Дай, Боже, силы мне во всём признаться:
Поведать Федерике, что знатна.
Возможно, суждено судьбой расстаться:
Так велика пред ней моя вина».

Джакомо заливается горячими слезами, ложится в холодную постель и засыпает праведным сном, считая, что покаяние принято Творцом.

Глава 4. Соитие, данное свыше

Вернёмся к нашему славному гвардейскому капитану. Немного поплутав по узким улочкам города, он оторвался от погони, которую предприняла челядь негоцианта Пуччини. И без дела слоняясь по ночному городу, убивал время до полуночной вахты в покоях герцога. Вдруг он услышал женский вскрик и громкий мужской гогот. Поняв, что затевается какая-то мерзость, Пьетро поспешил на помощь.

«Четыре пьяных на одну девчонку,
Эй, судари, вам ваша жизнь не жмёт?
Я одному сейчас проткну печёнку,
Другой из вас в мучениях умрёт.

Удар, ещё удар, куда вы?
Мне с вами было б точно веселей,
Дерусь я с четырьмя не для забавы,
А чтобы вы представились скорей

Кто вас учил, друзья, таким манерам!
Негоже спину подставлять мне под удар.
Какие нежные попались кавалеры,
Бегут, как будто в ж...е скипидар».

Трое, постанывая и прихрамывая, подхватывают четвёртого под руки и уносят в подворотню, изрыгая проклятья в адрес ди Альберто.

Привалившись к стене дома явно без чувств, на мостовой сидит хорошенькая девушка, в которой Пьетро узнаёт ЛУКРЕЦИЮ. Что она делает в столь поздний час на улице города, что её подвигло на сию опасную прогулку? Пьетро заинтригован.

Лукреция, с восторгом наблюдавшая за дракой, валиться на руки к ди Альберто, как только они освобождаются от шпаги.

«Ах ди Альберто, милый ди Альберто,
Спасли вы жизнь и честь спасли мою.
Вы идеал мужчины, совершенство,
Самсон и даже Геркулес в бою.

Я даже испугаться не успела,
А вы, как град, свалившийся с небес,
Как Зевс, как громовержец, как Аттила,
В пух разнесли, паршивый этот плебс».

«Падает в глубокий обморок», одним глазом подсматривая, что он будет делать.

Ди Альберто подхватывает Лукрецию на руки, и, понимая, что ближайшие часов пять она в себя не придёт (откуда знать ему, что виной всему, т.е. этому самому обморок, тугой корсет, который надо бы расшнуровать), относит в свою холостяцкую квартиру, расположенную в мансардном этаже гостиницы «Тосканский боров».

Кладёт на кровать и со спокойным сердцем отправляется во дворец Герцога Тосканского проверять посты и менять караулы.

«Судьба ко мне повёрнута лицом,
Любви без меры, выбрать лишь осталось.
С одной чуть было не попался пред отцом,
Другая под ноги на улице попалась.

И денег у обоих пруд пруди,
Уйду со службы, буду жить спокойно,
И бёдра у обеих и груди,
Но жить с двумя, конечно, непристойно.

Лукреция красива, но глупа,
А что ещё от бабы мужу надо?
А Федерика ликом некрасна,
Осанкой королева, статью, взглядом.

Сейчас свою я службу отслужу,
Приду домой и всё решу спокойно.
Лукрецию на ложе возложу,
Она любви моей вполне достойна.

Эй, караул, а ну не спать, не спать,
Вы герцога Тосканы стражи ночи,
Пред капитаном должно смирно встать,
И ночью я на службе, между прочим».

Стоят гвардейцы грозно на постах,
Дворец во снах полночных пребывает,
И лишь луна играет на устах,
И мёртвым светом полночь расцветает.

Рассвет близёхонек, запели петухи,
И поутру мой караул сменился,
И слышится вдали пастуший рог,
И солнца первый луч к земле пробился».

После ночной караульной службы ди Альберто возвращается в своё жилище и с умилением смотрит на сладко спящую Лукрецию, которая уже сказочным образом успела раздеться и лечь под одеяло.

«Дитя прекрасно, словно дивный сон,
И влюблена в меня любовью светлой.
И я не обеднею, *mi! pardone*,
Коль поделюсь любовью предрассветной.

Проснись, дитя, не пропусти минуту,
Когда в тебя, твой капитан войдёт,

Сердца соединятся этим утром,
На крыльях птица счастья унесёт.

Проснулась... и ничуть не испугалась,
Лишь крепче обняла и замерла,

Своей рукою к плоти прикасалась,
Кричала, что всю жизнь меня ждала.

В бредовой скачке, мокрые от пота,
По комнате летал перины пух,
Мы долго занимались сей «работой»,
Ну по полудни часиков до двух.

Но ночь бессонная на силах вдруг сказалась,
И рухнул я подкошенным снопом.
Мне снился сон, во сне ты улыбалась.
Быть может, всё закончилось венцом.

Размежил очи, уж почти смеркалось.
Один в постели, сон ли, был ли, явь?
И лишь багровым цветом расплывалось
Пятно на белом шёлке одеял».

В дверь комнаты капитана ди Альберто тихонько постучали – вошёл мальчишка, прислуживающий в гостиничном трактире, поставил на стол нехитрую снедь: бутылку вина и холодную ветчину, и, смутившись, спросил (мальчишка боготворил капитана и мог часами полировать его шпагу):

«Синьор, вы слышали? Гуляет новый слух,
Что кто-то дочь Пуччини обесчестил?
Я нем, синьор. Да, да, я нем и глух,
Но, говорят, что будет много мести.

Он, говорят, гвардейский офицер,
И к герцогу Тоскани входит в свиту,
Хотя купчишки эти, например,
Способны врать, чтоб заграбастать титул».

Пьетро в ответ мальчишке

«Ты, брат, стоишь на правильном пути:
Кто слухам верит, тот не знает правды.
Лишь тот способен честь свою спасти,
Кто рот лгунам заткнёт ударом шпаги.

После этих слов Пьетро откинулся на подушки и спокойно заснул, решив предоставить решение всех насущных вопросов будущему дню, проведению и святому Франциску, покровителю Тосканской гвардии.

Глава 5. Мэтр раскрывает душу

Это же утро, дом купца Джакомо Пуччини. Джакомо за завтраком просит слуг оставить его наедине с Федерикой и обращается к ней ласковым проникновенным тоном.

«Дитя моё, внемли моим речам!
Я долго думал, как начать tirade.
Я жизнь свою кладу к твоим ногам,
И жизнь твоя мне старику награда.

Ты выросла давно, я постарел,
И вот пришёл, наверно, час открыться,
Не дочь ты мне... Твой взгляд вдруг почерствел,
Скажу про всё, что должно, то свершится.

Лет двадцать уж прошло с тех самых пор,
Когда я сам сопровождал товары,
И где-то средь степей, а, может, среди гор,
Я встретил человека, был он старый.

И в немощных руках держал он колыбель,
Просил дитя в забвенье не оставить.
Сказал, что твой отец – хозяин тех земель,
Но он убит, и некому здесь править.

От Лепонтийских Альп до моря степь лежит,
И там твоя земля по праву крови.
Теперь ты знаешь всё, что деве надлежит,
Прости отца, не хмурь напрасно брови.

Тебя я воспитал, и хлеб я дал, и кров.
Я был тебе отцом и буду впредь,
Но ты должна узнать трагедию веков,
За землю предков можно умереть.

Теперь ты знаешь всё. Как знаешь, так решай,
Не мне теперь твою судьбу вершить.
Я только попрошу: меня не отрицай,
Позволь тебя мне подле век дожить.

Ведь я ещё нестар: мне будет шестьдесят,
Но я их отдал много, ради счастья.
Все злато, что скопил, тебе принадлежит,
О, не оставь отца своим участием».

Закончив речь, Джакомо Пуччини опустил голову. Федерика молчала, не находя сло от свалившейся на неё лавины откровений; слеза катилась по её бар-

хатной щеке, в голове кружились обрывки фраз, и она с трудом понимала, что рождена в мире, где правят право крови, титулы, поместья, шпаги. Всё это так близко, так возможно. Но рядом Джакомо, который ей вовсе не отец, но, который любит её больше жизни и всегда будет любить. Не совладав со своими эмоциями, Федерика заплакала и убежала в свою комнату...

**Ночь... Федерика одна в комнате, пытается осмыслить
услышанное от Джакомо**

«Мадонна! Сжался надо мною,
Погибла вся моя семья!!!
До сей поры чужой судьбою,
Жила, не зная правды я.

Не зря мне в детстве снились сны:
Дворцы, наряды, кавалеры.
Они загадками полны,
Смешны, болтливы и манерны.

Мне снились горы, и дворец,
И быстрых рек хрусталь чистейший,
И гордый рыцарь, мой отец,
Из всех дворян нахрабрейший.

Теперь и титул есть, и деньги,
Но только страх в душе моей,
Дрожат предательски коленки,
Предчувствие тяжелых дней.

Ах мысли кружат, словно ветер:
Мой Пьетро, свадьба и отец,
Лукреция, дворянство, деньги...
Пойду-ка спать я, наконец.

А ди Альбето к нам с визитом
Быть со дня на день обещался,
Должна я быть предельно скрытной,
Чтоб он о тайне не дознался».

Грязный переулок, вдоль которого гордо шагает красивая молодая и явно счастливая Лукреция. Она торопится домой, размышляя о том, что случилось, и строит планы на будущее.

«Как ново все кругом...
И солнце стало ярче,
И небо голубей,
И воздух, вроде, жарче.

Так любит он меня!
Женою видеть хочет.

В любви прекрасен мир,
И счастье нам пророчит.

Как мило все вокруг:
Дома, деревья, люди,
Мальчишка во дворе,
С большим тортом на блюде,

И кумушка с кульком,
Что ди Альберто судит...
Постойте, как о нем!?
Не поняла? Что будет?»

Две женщины, по виду прачки, может стряпухи, персказывают друг другу последние утренние сплетни.

Лукреция останавливается, услышав милое сердцу имя. Пытается осмыслить услышанное.

Ди Альберто... Капитан... Забрался в дом... Бесчестие... Федерика...

«Вранье! Не может быть!
Немедля замолчите!
Покрыть его бесчестьем,
Товарки, не спешите.

Есть у него жена
И заступиться может!
Сегодня дал обет,
Он на любовном ложе...»

Разворачивается и уходит, не разбирая дороги, уже понимая, что подруга и любимый её предали, и она опозорена. Женщины, глядя ей во след, лениво перебрасываются словами.

Первая женщина

«Как молода, наивна и прекрасна,
К ней не прилипнет злоба и позор».

Вторая женщина

«И коль понятия вовсе нет о чести,
Тогда бесчестье для нее лишь – вздор».

Первая женщина

«Она, и вправду, влюблена по уши,
Но он повеса, бражник, дворянин.
Я думаю, он девке жизнь порушит:
Ни денег, ни добра, но господин».

Вторая женщина

«В любимчиках у герцога Лучано.
Он молод, он хорош собой и статен.

И в битвах, говорят, как лев отчаян,
В конце концов он просто очень знатен».

Первая женщина

«Я слышала, что дочь негоцианта,
Да, да, Пуччини, по нему вздыхает.
Приданое там ожидает франта,
Там чувства, как огонь, пылают...»

Женщины перебрасываются между собой слухами, домыслами и сплетнями, но, как только Лукреция заворачивает за угол, женщины начинают перемывать кости другим прохожим.

Глава 6. Тайна Герцога

Флоренция. Покои Его Высочества Герцога Тосканского. Герцог Лучано II Ланца явно в расстроенных чувствах. В кабинете Герцога капитан гвардейцев докладывает о том, как прошла ночь во дворце, в столице и во всём герцогстве. Но доклад не очень-то заботил Герцога Лучано, он думает о чем-то личном...

«Мой добрый малый ди Альберто,
Знаком нам всем твой славный род,
В веках присяге были верны,
Ни разу что б наоборот.

Мне скоро сорок, я на троне,
Но нет супруги у меня
Не потому, что женщин мало,
А потому, помолвлен я.

Её ещё совсем малышкой
Уже невестой нарекли,
Отец её был воин славный,
Владыка северной земли.

От южных Альп до берега моря
Ему земля принадлежит,
Но двадцать лет тому, о горе,
Весь род его был перебит.

Набегом зверским и коварным
Пришёл в его страну разор.
Лишь дочь никто не видел мёртвой.
Мы отомстили за позор.

И вот я так и не женился,
Хотя прошло уж много лет,
Но слух когда-то появился,
Что дочь спаслась, но правда ль, нет?

Теперь тебя я посылаю,
В те земли, где она росла,
И тайну герцогства вверяю.
Узнай: жива иль умерла.

О сём молчок, один поедешь,
По всем краям Альпийских гор,
Кого в пути своём не встретишь,
То заводи с ним разговор.

Ходи как рысь путём окольным,

Но тайну выведай сполна.
Коли жива моя невеста,
Добудь, хоть с гор, хоть с моря дна».

До Федерики доходят слухи о прошествии ночью с Пьетро и Лукрецией. Она решает сходить в лавку к Лукреции и поговорить с ней. Она по своему привязана к девушке и хочет ее предостеречь.

И вот они наедине.

Федерика

«Лукреция, тебе я сообщить пришла,
Что город весь – сплошной поток бурлящий.
Что имя доброе твое молва...
Склоняет в прошлом, будущем и настоящем.

Рассталась ты так запросто с приданным,
Которое природой нам дано,
А думать надо, деточка, о главном:
Быть незамужней женщиной, грешно.

Была б ты с Пьетро чуточку поостроже,
Колени бы сомкнула, наконец,
Глядишь, и сторговались подороже,
Он не позвал тебя случайно под венец?

Ты ди Альберто удержать решила телом?
Как ты наивна и глупа в мечтах.
Пред алтарём не встанешь в платье белом,
Ты до сих пор витаешь в облаках.

С тобой искал он только развлечений —
На мне жениться вскорости готов,
Избавиться придётся от сомнений,
Не будем больше тратить лишних слов.

Сегодня с поздним он придёт визитом
Руки моей просить и всякий вздор.
Сердечко юное, увы и ах, разбито...
Тебе останется, унынье и позор».

Лукреция Фредерике

«Ну нет, синьора, хоть вы много старше,
Науки ваши всё же не по мне.
Я вас глупей, наивнее, но краше!!!
За это вы сейчас и мстите мне.

В девицах вам до старости ходить,
Ко мне ж любовь сама простёрла руки,
И впредь я вас прошу не приходить:
Общение с вами доставляет муки».

Выбегает из лавки и полная ярости и желания все высказать ди Альберто бежит к нему в гостиницу «Тосканский боров».

Капитан Пьетро ди Альберто вышел из покоев герцога Лучано и, исполненный гордости за оказанное ему доверие, пошёл готовиться к трудному многодневному походу. Но прежде он решил заглянуть к Федерике и узнать, как вчера закончился вечер, прерванный приходом Джакомо Пуччини, её отца.

«Как славно наносить визиты средь бела дня:
Все двери открываются тотчас.
И слуги спины гнут, свою судьбу кляня,
И гонор их ночной почти угас.

О здравствуйте, синьор-негоциант!
За завтраком вас герцог вспоминал.
Вы армии его поставьте провиант,
Он без манёвров что-то заскучал.

А где же ваша дочь, по-моему, Федерика,
Я ей представлен был три дня тому назад.
Она мила, синьор, как будто Эвридика,
Жаль не Орфей я» (буркнул невпопад).

В зал входит Федерика, только что вернувшаяся от Лукреции.

Ди Альберто, обращаясь к Федерике

«О, вот и Вы, прелестная богиня,
Как вам спалось, прошу меня простить.
Вы плакали, смерив свою гордыню,
Надеюсь не по мне? Осмелюсь вас спросить».

Про себя подумал

Ни слова о вчерашней ночи, ни намёка,
Её отец с меня не сводит глаз.
Мне герцог дал в поход денег немного,
Так что о свадьбе можно в другой раз.

Вслух

Я к вам спешил с известием печальным:
Мой герцог посылает в дальний край.
Я должен.... Впрочем, это тайна.
Проситься я пришёл, прости-прощай».

Сам не понимая почему, он не сказал «до свидания» или «до встречи», или» разрешите вас навестить в другой раз», Пьетро поспешил домой под крышу трактира «Тосканский боров». Лучше бы он туда не ходил, а напрямик отправился в казармы тосканских гвардейцев, где в конюшне ждал его добрый конь и всё, что нужно для долгой дороги.

В комнате его ожидала Лукреция, которая, наслушавшись разных сплетен, решила сама, как умела, разрешить свои сомнения, то есть попросту, как это делают люди её сословия: готовилась закатить ди Альберто сцену ревности.

Лукреция в ярости

«Пришла я, чтоб сказать, что вы – подлец!

А я доверилась, цветок свой отдала.

Вы похититель девичьих сердец.

Вы с Федерикой обручились? Ну дела!

Я вам скажу, коль вздумали смеяться

Над чувствами хорошеньких девиц!

Что ж! смейтесь! не впервой вам издеваться!

Пред вашей подлостью, синьор, склоняюсь ниц!

Пусть я проста, не знатна, но честна.

Я без любви к мужчинам не стремилась:

У моего отца полна мошна,

У ног моих мужчин немало вилось».

Театрально кланяется и уходит

Глава 7. В поход к отрогам Альп

Пьетро, не успев даже промолвить слова, смотрит в след исчезнувшей за дверью Лукреции. Потом подходит к столу, откупоривает бутылку вина и одним махом вливает её содержимое в себя. Садится в кресло и о чём-то размышляет:

«Земная жизнь моя трагична и смешна.
Милее мне война: я к ней привык.
Люблю одну из двух, пусть будет мне жена,
К другой же, ночью в спальню я проник.

Пожалуй, лучше так, теперь преграды нет.
В поход я отправляюсь налегке.
Я вовсе не хочу держать за них ответ,
Забудется от дома вдалеке.

Всё проще и ясней, когда летишь в бою,
На взмыленном кауром скакуне.
Коль может повезти, то не тебя убьют,
И слёзы не прольются в тишине.

А с женщинами страсть, всё путано порой:
Любовь и смех, притворство и мольбы.
Мне герцог поручил! Отвечу головой!
И не уйти от матушки судьбы».

Федерика, понимая, что из ревности наговорила Лукреции много лишних, обидных слов, размышляет.

«Лукрецию воистину мне жаль:
От горя ей оправиться непросто.
В её глазах вселенская печаль —
Сберечь девичью честь отнюдь не поздно.

Но пусть не плачет. С личиком своим
Она утешится, не минет и недели.
Пусть будет счастлива Лукреция с другим,
А я уже почти дошла до цели.

Я ди Альберто удержать должна,
Помолвку огласить на всю округу.
Пусть уезжает, я почти жена,
Мне главное – прослыть его супругой.

Обязан будет мой позор прикрыть
Законным браком и, причём, немедленно!
Его объятий, мне не позабыть,
К сопернице нет места милосердию!»

Комната капитана ди Альберто в гостинице «Тосканский боров».

После недолгого замешательства, Пьетро собрал всё необходимое для длительного путешествия, подхватил седельные сумки и спустился в конюшню постоялого двора, куда уже давно был приведён его верный конь. Он взял мешок с овсом, оседлал скакуна и покинул постоялый двор. Выехав на дорогу, ведущую с северо-восточном направлении, Пьетро обернулся и увидел у городских ворот одиноко стоящую женскую фигуру. Набежавшая слеза не дала ему рассмотреть кто же его провожал и прищиприв коня, Пьетро пустился в путь.

«И вновь бежит-пылит моя дорога.
К волнениям новым, к новым рубежам!
Вдали остались прежние тревоги,
Вперёд навстречу грёзам-миражам.

Поют скворцы и, прядая ушами,
Почувяв волю, рысью конь бежит.
И предо мною росными лугами
Под ясным солнцем добрый мир лежит.

Свобода и простор поют мне песню,
Мне опостылел двор и политес,
Для герцога скачу за доброй вестью,
Я тысячу сыщу ему невест».

Настроение Пьетро стало налаживаться, невзгоды и заботы отступили, и он полностью отдался на волю providения. Путешествие началось...

Лукреция, в грустных размышлениях бродившая у городской стены, вдруг узнала знакомую фигуру, скачущую прочь от городских ворот.

«Ну, вот и все: окончен наш роман.
С корнями вырвал все цветы надежды;
В душе опустошенья ураган,
Лишь черные остались мне одежды.

Мне до скончанья дней под сводом кельи
Молить Мадонну о спасении души
И вспоминать любимого в постели
От мира суетного в праведной глуши.

Умчался вдаль с попутным ветерком,
С любовью не взглянул, не обернулся.
А я за ним готова босиком,
Моля святых, чтобы ко мне вернулся».

Лукреция со слезами на глазах смотрит в сторону быстро уменьшающейся фигуры Альберто и, когда он скрывается за горизонтом, направляется к стенам монастыря святого Августина.

Глава 8. Встреча со смертью

Пользуясь тем, что ехал по личному указу герцога на постоянных дворах ди Альберто без проволочек получал свежего коня, провиант и ночлег, но, как ни странно, через пару дней пути Пьетро стало казаться, что за ним кто-то следит. Смеркалось...

«Мне кажется, я не один в дороге.
Вспорхнёт ли птица, или конь заржёт,
Какая-то свербит в душе тревога,
Как будто кто-то по пятам идёт.

Сие разведать следует скорее:
Там балка впереди, с конём я схоронюсь,
Я буду терпеливей и умнее,
И правды от лазутчика добыюсь.

Вот в темноте пятно чернее ночи,
Ты пеший? Конный, видно по всему.
Да кто ж такой? Узнать хочу, нет мочи.
Врагом моим стать не желаю никому.

Смотри, как осторожен, взглядом водит,
Узду от звона обмотал тряпьем.
И статен и силён, по виду воин,
Ну что ж, пока он нужен мне живьём».

Пришпорив коня, Пьетро выскочил из лощины и сразу же направил острие своей шпаги в грудь лазутчику.

«А ну, каналья, отвечай: кем послан.
Клинок мой быстр, рука моя тверда,
Ты мною ещё засветло опознан,
Коли убью, не будет и вреда.

За мной ты много дней идёшь, собака.
Ты осторожен, ловок, смел, хитёр.
Ты, может быть, прекрасный рубака,
Но нежеланный нынче визитёр.

Не станешь на вопросы отвечать,
Тебе язык я развязать сумею,
И о пощаде станешь умолять,
Но я тебя, наймит, не пожалею».

Всадник, пойманный врасплох выскочившим из засады гвардейским капитаном, даже не успел вытащить из ножен свою шпагу и лихорадочно размышлял, что же ему остаётся делать, когда в грудь упирается клинок, уже войдя в плоть на добрый дюйм. Решив, что жизнь дороже денег и, зная, что капитан гвардейцев

лучше умрёт, чем запятнает себя бесчестьем, наёмник стал рассказывать Пьетро, зачем он следит за ним.

Алонзо (так назвал себя преследователь)

«Простите, господин, мою мне дерзость.
Я, как и вы, служитель ратных дел,
Наверное, следить за вами – мерзость,
Но мой кошелек предельно похудел.

Я нанят и готов убить любого,
Кто тайну герцога поведать сможет вам,
Наследников на трон найдётся много,
Трещит династия Тосканская по швам.

Уж если вам откроют эту тайну,
То и другие могут всё прознать.
Тогда я по приказу свыше стану
Всех, кто владеет тайной, убивать.

Ди Альберто отвёл шпагу и, вздохнув, промолвил

«Глупец, тебе из аркебузы
Заплатят пулей или же клинком.
Ты станешь для пославших тя обузой,
И спать тебе вовеки крепким сном.

Ведь ты и сам тогда узнаешь тайну.
Соблазн велик: захочешь вдруг продать.
Предавши раз, тебя жалеть не станут,
Из-под земли заставят отыскать.

Во мне твоя единственно надежда,
Хотя и я, как видно, не жилец.
Но преданность престолу бесконечна.
Служили прадед, дед мой и отец...

Ну что ж теперь поедem вместе,
Вдвоём и дело сладится быстрее.
Поётся про дороги в старой песне,
Твоя переплетается с моей».

Лазутчик назвался Алонзо, но мог бы назваться и любым другим именем. Пьетро для себя твёрдо понял, что за тайну герцога Лучано им обоим не сносить головы, но долг был превыше всего, и оба понимали это. Новоиспечённые компаньоны поклялись в верности друг другу, а в те времена клятва ещё чего-то стоила, и отправились дальше. На горизонте уже показались белые шапки гор.

Пройдя большой и трудный путь среди холмов севернее Вероны, где-то между Тренто и Больцано, спутники свернули с наезженной дороги и поскакали в сторону возвышавшихся на горизонте вершин. На их пути встречались небольшие деревеньки, отдельно стоящие лачуги, редкие неряшливо и бедно одетые жители.

В целом край оставлял жутковатое впечатление запустения и разрухи. Временами попадались развалины родовых поместий, по которым можно было судить о былом величии этих земель. На привалах в редких придорожных трактирах ди Альберто пытался разговорить местных жителей, но мало кто мог удовлетворить его любопытство. Единственно к какому выводу пришёл Пьетро, что лет 20—25 назад этот край был обильным и цветущим, здешние жители приветливыми и зажиточными, но война с сопредельными немецкими баронами разорила дотла всю провинцию Трентино-Альто-Адидже.

Въехав в одну из деревень, коим уже был потерян счёт, и, войдя в маленький убогий трактир, Пьетро и Алонзо разговорились с его хозяином...

Пьетро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.